

СЛЁЗЫ, ЛЕТЯЩИЕ ВВЕРХ

Литературные наброски священника
в смутные времена

(Из цикла «Записки военного времени»)

“Радуйтесь с радующимися, и плачьте с плачущими”. С начала войны в Украине, это эмоциональное и ментальное состояние сопровождает меня почти непрерывно. Как никогда ранее я начал понимать силу и глубину этого Слова. Недавно я радовался очередным победам калифорнийской футбольной команды, за которую много лет играет мой сын подросток. В тоже время мое сердце испытывало очень сильную раздвоенность. Оно невидимо плакало с миллионами страждущих украинцев, особенно детей, которым бы сейчас радостно жить, играть и учиться, а не плакать, убегать и даже и погибать во время этой безумной войны. Никогда не думал, что придется писать “Записки военного времени”. Ровно двадцать лет тому назад, вместе с женой и двумя маленькими детьми мы приземлились в Калифорнии. Сейчас я в Польше, на границе с Украиной, три часа ночи. Я просыпаюсь и продолжаю писать о том, к чему уже успело прикоснуться мое сердце. Вчера я видел глаза печальной и очень усталой украинской женщины, с двумя совсем маленькими детьми. Самого крошечного – молодая мать прижимала к себе, целовала и усыпляла. Другой ребёнок – сам прижимался к ней. Мне позволила жизнь им улыбнуться, немного помочь и, на прощание, помахать рукой. И я видел, как по щекам украинской женщины потекли светлые слёзы. А потом, я видел глаза другой, уже пожилой, украинской женщины; она была всё ещё очень сильно растеряна и напугана после того, что пережила во время войны. Мне позволила жизнь, мне позволил Господь – прикоснуться и к её сердцу. А потом, я видел глаза и слышал сердце украинского пастора/миссионера и глаза/сердце его усталой жены, которые, с начала этой безумной войны, перевозят от границы, принимают, поселяют прямо в своей церкви и искренне опекают украинских беженцев. А вчера, поздно вечером, мы встретили польских полицейских, которые также перевозили от границы украинских беженцев. Мне позволила жизнь улыбнуться и им, и сказать спасибо. А потом, я вспоминаю все эти глаза, слова, судьбы. Никогда не думал, что мне придется писать “Записки военного времени”. Сейчас я в Польше, на границе с Украиной, три часа ночи. И на глазах моих слёзы. (11 апреля, 2022, Польша).

Иван Лещук, пресвитер, кандидат технических наук. Автор книг «Экология духа», «Лабиринты духовности», «Исповедь». Один из авторов статей «Славянского Библейского Комментария». Ведущий радиопрограмм «Грани жизни», «Семья и школа», «Душевное здоровье». Специалист по работе с родителями (школа Community Outreach Academy) и психическому здоровью (Slavic Assistance Center) (г. Сакраменто, США).

ГДЕ ЖЕ БОГ, КОГДА МНЕ ТАК НЕВЫНОСИМО БОЛЬНО?!

◆ В его жизни был роковой день, когда казалось, что душа его как будто была разрублена кем-то или чем-то пополам, а сердце разорвано, в осколках, которых уже, казалось, не собрать. Никогда, никому, нигде. Где же Бог, когда мне так невыносимо больно?! Он вопил и кричал и ему казалось, что даже синее небо было мертвым. «Боже, Боже мой, зачем Ты меня оставил?! Господи, где же ты, где?!» Потерявши точку опоры, находясь на грани отчаяния, он впал в беспросветную тоску и апатию. И вдруг, в его памяти всплыли поэтические строки, давно им прочитанные, но не пропущенные через сердце: “Ударить Бога так легко – слабейший сможет. Бога ударили по тонкой жиле, по руке или даже по глазу – по мне” (З. Миркина). И его сердце вновь озарило. И его душа снова начала стремительно искать Бога. И он нашел Его. Он встретил Бога среди руин домов, больниц и храмов.

Он стоял на руинах разрушенного храма вместе с Богом. И он вдруг начал ясно понимать, что каждый, кто причиняет ему и его народу боль, причиняет глубокую боль самому Богу, касается зеницы глаза Всевышнего. Именно такого Бога искала его измученная, страдающая душа. И он принял такого Бога, и он возлюбил Его всем сердцем, всею душою и всем разумением своим. Бога, который вместе с ним болеет и страдает, прямо сейчас, среди руин украинских домов, больниц и храмов. Бога, который вместе с ним слезно вопиет и умирает на кресте. “Ударить Бога так легко – слабейший сможет. Бога ударили по тонкой жиле, по руке или даже по глазу – по мне” (З. Миркина). Бог всегда на стороне невинных жертв, даже если они Его не видят и не чувствуют.

Бог был в Аушвице, во время холокоста, во взгляде невинных жертв на своих насильников. В их предсмертном достоинстве. Он стучался в сердца одержимых духом смерти и насилия безбожников, был им неммым укором. Бог был в Варшавском гетто. Вместе с изнуренным от трудов и забот о детях-сиротах, Янушом Корчаком и детьми Дома Сирот, Бог отправился в газовую камеру. По дороге к смерти старый доктор держал на руках двух самых маленьких детей и рассказывал им... сказку. Малыши ни о чем не подозревали, только почему-то все крепче и крепче прижимались к своему доктору. Они ощущали благодать. Они прижимались к Богу. Бог всегда плачет и страдает вместе с гонимыми, ранеными и невинно убиенными. Бог с теми, кого и сейчас безбожно гонят, жестоко бьют, насилуют и убивают. Бог всегда с теми, кто невинно страдает, умирает и погибает. И потому, прямо здесь и сейчас, в Украине, Бог умоляет: “Не гоните Меня, не бейте, не насилуйте, не распинайте, не разрывайте на части! Остановите войну, слышите?! Слышите!?” Бог здесь, и Он не молчит. Он сейчас среди руин украинских домов, больниц и храмов. “Ударить Бога так легко – слабейший сможет. Бога ударили по тонкой жиле, по руке или даже по глазу – по мне” (З. Миркина). По Украине.

СЛЕЗЫ, ЛЕТЯЩИЕ ВВЕРХ

◆ Он видел эти слезы. Слезы, летящие вверх. Зарождаясь в сокровенных глубинах человеческого сердца, они устремляются в иные планы бытия. Не один раз он испытал их животворную, исцеляющую силу. В минуты блаженных переживаний он познавал красоту и ценность «радости со слезами на глазах». Благодаря слезам, летящим вверх, он начинал по-новому видеть и ощущать мир, переживал очищение души. Во времена скорбные, смутные и даже военные – эти слезы становились для него живительной влагой и целительным бальзамом. Дух благодати и умиления нисходил на него. Слезы, летящие вверх, приносили мир и гармонию в его израненное, расколотое сердце.

«Иисус прослезился... скорбя внутренне» (Ин. 11:35-38); а глядя на Иерусалим и предвидя его мрачное будущее, Спаситель даже «заплакал о нем» (Лк. 19:41). Порой, слезы, летящие вверх, выражают внутреннюю боль и, как некое скорбное песнопение, возносятся «к престолу благодати» из тайной кельи человеческой души. К счастью, бывает и так, что слезы как внешний знак внутренней жизни излучают необыкновенную радость и как гимн торжества устремляются к Создателю! Видимые капельки на щеках, грусть или радость во взгляде – всего лишь внешние проявления слез сердца и невидимых движений души. От таких слез, от такой сердечной музыки нельзя отстраниться. Живой, неизгладимый след на сердце оставляют слезы, летящие вверх.

«И пали слезы на ресницы, и легче стало мне страдать» (Николай Щербина, 1844). Однажды он сокрушался и «плакал горько», как Петр отрешившийся (Мф. 26:75). И тогда ему показалось, что слова ангела «скажите и Петру» были обращены не только к печальному сердцу апостола. Эти слова касались и его сердца. В минуты подобных сердечных сокрушений он испытывал радость неизреченную от прощения и свободы; обретал «крылья духа» и удивительную способность парить «над суетой». На собственном опыте он убедился, что соприкоснувшись с такими слезами, пропустив их через свое сердце, невозможно оставаться прежним. Мечты души покаянной выражали эти слезы. И он спешил к храму... и молился сердцем.

Невыносимой ношей стали для него горькие детские слезы. Миллионы таких слезинок покрывают нашу грешную землю, как море невидимое. Он и слышал о таких слезах, и видел их не раз. И таяло, и трепетало сердце в груди его от этого зрелища. «Зачем они стреляли в лицо? Моя мама была такая красивая... моя мама...», – ребенок плакал и причитал. И разве может кто-либо описать словами весь ужас пережитого маленьким мальчиком, мать которого была расстреляна у него на глазах? «В нашем лагере, в Бухенвальде, была беленькая и тихая девочка, ей было лет семь... Она попросила у меня карандаш: “Я знаю, что скоро умру, и хочу маме письмо написать...” – “Как ты пошлешь письмо?” –

“Я открою ночью окно и отдам листочки ветру...” » (Светлана Алексиевич, «Последние свидетели»).

Страдающие и плачущие дети, брошенные родителями малютки, сломанные безумным насилием взрослых детские судьбы, беззащитные и покинутые жестокосердным обществом юные души. Все это – неисцелимая и жестокая рана падшего человечества. Это – смертельные симптомы нравственного вырождения цивилизации. «Они всего лишь маленькие дети... маленькие дети... Они – жертвы пороков взрослых, невинные жертвы жестокости и равнодушия...», – эта мысль будет сопровождать его всю жизнь. Боль и горькие слезы несчастных детей станут частью и его жизни. Ведь слезинка ребенка перевесит все! Всегда и везде перевесит... и победит. Даже одна слезинка... Блажен, «кто примет одно такое дитя» во имя Христа. Но горе тому, «кто соблазнит одного из малых этих...» (Мф. 18:5-6). Лучше бы ему не родиться.

«Изливай, как воду, сердце твое пред лицом Господа; простирай к Нему руки твои о душе детей твоих...» (Плач. 2:19), – так взывал некогда великий пророк Израиля. Блаженная Моника, мать Аврелия Августина, неотступно и слезно молилась за своего сына. Боль разрывала ее сердце. Августин не только предавался страстям – греховная тьма заполняла его разум и сердце; потеряв нравственное чувство, он потерял и веру. Впоследствии знаменитый богослов древности напишет в своей «Исповеди»: «Она плакала надо мной, более чем когда-либо матери плакали над могилами своих детей». Мать Августина молилась не один день, но все оставалось по-прежнему... И тогда Моника решилась обратиться за помощью к опытному старцу. Она «просила его призвать к себе сына ее и мудрою беседою направить на путь истины». Увидев ее слезы и сокрушение, старец воскликнул: «Невозможно, чтобы чадо таких слез погибло! Иди с миром... иди с миром...»

Это происходило в госпитале. Он лежал на передвижной кровати перед входом в операционную, она стояла рядом с ним. Ее рука слегка прикасалась к его плечу. И от этого прикосновения ему становилось необыкновенно спокойно на душе. Необъяснимым образом он чувствовал, что самый близкий и любимый человек не просто находился рядом с ним, здесь происходило нечто более таинственное и глубокое – сокровенная тайна единения Двоих... Она ничего не говорила, но он знал, что у нее на сердце. «В нас чувства лучшие стыдливы и безмолвны, и все священное объемлет тишина...», – ему почему-то захотелось узнать, кто вдохновил поэта на эти строки; осознавал ли сам их автор, Дмитрий Мережковский, силу и глубину своей поэзии?

Потом он часто вспоминал, что именно там, в госпитале, понятие «одна плоть» раскрылось для него в совершенно ином качестве... Пристально посмотрев на женщину, он заметил едва заметные маленькие слезинки, стекающие по ее щекам. Да, это правда, что Всевышний подарил жен-

щине особые слезы и особую, тонко чувствующую душу. И Он дал женщине право проливать эти слезы там, где это необходимо... Она ничего не говорила, но эти маленькие слезинки стали для него самым драгоценным подарком, лучшим украшением любимой женщины, проявлением тонкой неразрывной связи между теми, кого действительно сочел Бог. Именно тогда он понял, что эти слезы не просто катились по щекам... Касаясь его сердца, они улетали вверх. Ведь слезы, рожденные в глубине души – не исчезают, такова их природа... Они улетают вверх, к своему Творцу, оставляя неизгладимое отражение на скрижалях человеческих сердец, исцеляя души и скрепляя судьбы. «Благословенна да будет любовь, которая сильнее смерти» (Дмитрий Мережковский).

Прошло время. После небольшой разлуки они вновь встретились. Вместе с детьми она ожидала его в аэропорту. Приближаясь к ней, он вновь заметил слезы на ее щеках. Она улыбалась и пыталась их скрыть, но они, повинаясь движениям ее чистой и красивой души, неодолимо катились из ее лучистых глаз. Теперь это были слезы радости, слезы, летящие вверх и оставляющие очередной неизгладимый след на его сердце.

Но нет – не только на его сердце. Их маленькие дети благоговейно присутствовали при таинстве встречи, как будто боясь нарушить эту священную мистерию. Слабые объятия их детских рученок говорили ему о священной связи отцов и детей, о преемственности поколений, о таинстве жизни. Неведомым образом эмоции родителей передались детям, и на их милых лицах заблестели слезинки. Их дети учились жить... Учился жить и тот, кто еще только собирался появиться на свет, находясь в особо уютном мире материнского организма. Радостные слезы, летящие вверх, затронули струны и его крошечного сердца. И возрадовался младенец и вызграл – ведь он тоже учился жить.

МАЛЬЧИКИ И ДЕВОЧКИ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

По страницам «Доктора Живаго» (Бориса Пастернака)

◆ «Шли и шли и пели Вечную память... Торопливо, в четыре лопаты, забросали могилу. На ней вырос холмик. На него взошел десятилетний мальчик. Только в состоянии оцепенения и бесчувственности, обыкновенно наступающих к концу больших похорон, могло показаться, что мальчик хочет сказать слово на материнской могиле. Он поднял голову и окинул с возвышения осенние пустыри и главы монастыря отсутствующим взором. Его курносое лицо исказилось. Шея его вытянулась. Если бы таким движением поднял голову волчонок, было бы ясно, что он сейчас завоюет. Закрыв лицо руками, мальчик зарыдал...» (Борис Пастернак, «Доктор Живаго»).

«Доктор Живаго» начинается с описания похорон матери десятилетнего мальчика. За этот роман Пастернак получил Нобелевскую премию, за

эту «книгу жизни» советская власть объявила его... «предателем» своего народа, этим «скандальным» романом он «весь мир заставил плакать» не только над красотой своей земли, но и над трагичной судьбой своего многострадального народа. «Доктор Живаго» – это не только исторические хроники «страшных» лет России первой половины 20-го века; это драмы и трагедии жизней «мальчиков и девочек», которым выпала тяжкая доля родиться и жить в век перемен; их искания и странствия, их духовные и физические страдания.

Священник не боялся смерти, он уже “пережил” ее. Но перечитывая «Доктора Живаго», его сердце вновь зарыдало. Вместе с неведомым для него мальчиком неформальный пастырь оказался во власти слез. «Причастный тайнам» священник плакал «о всех забывших радость свою» (А. Блок), об искалеченных человеческим беззаконием и смутным/военным временем судьбах печалилось его сердце. Священнику было больно и обидно за людей, судьба которых была переломана временами хаоса и безумия. И ему казалось, что плач его, ведомый лишь одному Богу, утешает всех страждущих и скорбящих; и ему хотелось верить, что «смерти не будет» (одно из черновых названий романа), и что «радость будет, что в тихой заводи все корабли, и что на чужбине усталые люди светлую жизнь себе обрели» (А. Блок).

Вспоминал священник, как совсем недавно и он встретил оцепененного от горя мальчика, лежащего на еще совсем свежей могиле. Как и почему несчастный ребенок оказался один на могиле своей матери – священник тогда не знал. Но ему было открыто главное – горящий ребенок не должен оставаться один на один со своим смертным горем! Обязательно и всегда должен найтись тот, кто поддержит его во время скорби, кто уведет его от могилы, смерти и безысходности. У мальчика «Доктора Живаго» такой человек нашелся: «К могиле прошел человек в черном, со сборками на узких облегающих рукавах. Это был брат покойной и дядя плакавшего мальчика, расстриженный по собственному прошению священник... Он подошел к мальчику и увел его с кладбища... дядя говорил ему о Христе и утешал его» (Борис Пастернак, «Доктор Живаго»).

Священник также подошел к «своему» мальчику, склонился рядом с ним на колени у могилы его матери, обнял и... долго молчал. А когда тот перестал плакать, он взял его за руку и увел с кладбища. Знал священник, что «ни на солнце, ни на смерть нельзя смотреть в упор» (Франсуа Ларошфуко). Совсем мало говорил он тогда ребенку – больше утешал его своим присутствием и увлекал жизнью вместе. Из опыта знал священник, что разделенное горе – это полгоря, лишь любовь и терпение могут преодолеть отчаяние. И раскрывалось запечатанное горем сердце ребенка, и рассказывал он своему пастырю сокровенное. Окруженный душевным теплом ребенок начинал чувствовать, что он не одинок в своем безмерном страдании, и что разлука с мамой не вечна.

Как же похожи судьбы людей! И, действительно, драма жизни ребенка, которого встретил священник на кладбище, была очень сильно похожа на судьбу десятилетнего мальчика из «Доктора Живаго» – доктора Живаго, которого звали прежде Юрою... «Пока жива была мать, Юра не знал, что отец давно бросил их, ездит по разным городам Сибири и заграницы, кутит и распутничает, и что он давно просадил и развеял по ветру их миллионное состояние... В беспорядке и среди постоянных загадок прошла детская жизнь Юры, часто на руках у чужих, которые все время менялись. Он привык к этим переменам, и в обстановке вечной нескладицы отсутствие отца не удивляло его» (Борис Пастернак, «Доктор Живаго»).

Священник читал «Доктора Живаго, а пред его взором представляли миллионы детских жизней, искалеченных взрослыми смутами, войнами и амбициями; разные бывают войны – и гражданские, и семейные, и... «священно-церковные». Неформальный пастырь читал и невольно вспоминал не только ужасный хаос кровавых войн, созерцал не только насилие над жизнью и разорение страны – он видел страшные последствия скрытой и явной безотцовщины. Ведь отцы «Доктора Живаго» – кто на каторге, кто на войне, кто бросается на всем ходу со скорого поезда... А в это время их дети, мальчики и девочки, «образовываются» и совращаются другими. «Я – надломленная, я с трещиной на всю жизнь. Меня преждевременно, преступно рано сделали женщиной, посвятив в жизнь с наихудшей стороны», – откровенно признается Лара, одна из главных героинь романа. Доколе, Господи, доколе? Доколе войны и смуты будут разделять наши семьи, мужей и жен, отцов и детей? Доколе войны и смуты будут разрушать судьбы невинных душ? Доколе наши дети будут через всю жизнь нести на себе непосильный крест отверженности и уходить из жизни, так и не познав ее настоящего смысла? Доколе, Господи, доколе!? Так вопрошал священник Господа, так он молился о «всех забывших радость свою» мальчиках и девочках. Дети для священника всегда являлись «сосудом Божьей радости», символом чистоты, украшением жизни.

Все, что “вытворяют” со своей жизнью взрослые – словно через призмы преломляется и через детские судьбы. «Людам в годы революции стало казаться, что они могут отступить от христианских заповедей, они жаждали управлять собственной жизнью. На самом деле, они верят ложным, временным ценностям, находятся во власти преходящих соблазнов» (Борис Пастернак, «Доктор Живаго»). И бродили по земле, пропитанной кровью, неприкаянные души, не нашедшие места странники, маялись.

Опустошение, произведенное «странным» отсутствием отца и неожиданной смертью матери – оставит неискладимый след в жизни мальчика «Доктора Живаго». «Мамочка», — посмотрев издали в ту сторону, прошептал он почти губами тех лет». И еще долго в сознании сына будет

появляться образ его матери: «Юра поминутно поворачивался направо и налево. Над лужайками слуховой галлюцинацией висел призрак маминного голоса, он звучал Юре в мелодических оборотах птиц и жужжании пчел. Юра вздрагивал, ему то и дело мерещилось, будто мать аукается с ним и куда-то его подзывает. Юре становилось все грустнее. Ему хотелось плакать. Он повалился на колени и залился слезами.

— Ангеле Божий, хранителю мой святой, — молился Юра, — утверди ум мой во истинном пути и скажи мамочке, что мне здесь хорошо, чтобы она не беспокоилась... Мамочка была такая хорошая... Мамочка! — в душе-раздирающей тоске звал он ее с неба... и вдруг не выдержал, упал наземь и потерял сознание. Он не долго лежал без памяти. Когда он очнулся, он услышал, что дядя зовет его сверху. Он ответил и стал подыматься. Вдруг он вспомнил, что не помолился о своем без вести пропадающем отце...» (Борис Пастернак, «Доктор Живаго»). Перед лицом смертной разлуки — могут потерять сознание не только дети. Пройдет много лет, и уже двадцатилетний Юрий, будет вспоминать «как он безутешно плакал, пораженный горем и ужасом». С тех пор он уже «ничего не боялся, ни жизни ни смерти, все на свете, все вещи были словами его словаря».

Погружаясь в странно переплетенные судьбы героев «Доктора Живаго» (первоначальное название романа — «Мальчики и девочки»), священник все больше и больше осознавал не только тяжкие последствия революций и войн, но и не менее страшный трагизм духовного бессилия человеческого сердца, оторвавшегося от настоящей близости с Богом. Откровенно разбитые жизни «мальчиков и девочек» романа вновь напоминали ему о главной проблеме каждого неудовлетворенного жизнью человека — духовного сиротства. Да и сам автор «Доктора Живаго» был «не удовлетворен своей жизнью, своим поведением, своим творчеством... Создание романа было и сознательным покаянием и сознательной жертвой» (Наталья Иванова). И вполне возможно, что «Доктор Живаго» — это и личная исповедь самого писателя, далеко не праведника; вполне возможно, что это его публичное покаяние перед Богом и за свой «любвный треугольник», и за свою шаткую позицию философа... «Пастернак скорбел в своем романе о поругании самого дорогого, чем наградил Творец человека, — его богоподобия... Пастернак пишет о себе, о своей изломанной личности, о разоренной земле. Надежда одна — Бог!» (О. С. Колесова).

Священнику так хотелось изменить сюжет романа! Ему хотелось, чтобы уже возмужавший Юрий (доктор Живаго) трепетно преклонялся не только перед таинственной красотой своей земли и «своих» женщин; чтобы он состоялся не только как врач и поэт, но и как безусловно верный своей жене и детям сильный мужчина. Состоялся, несмотря на революции и войны, разлуки и другие «смуты» жизни. Понимал священник, что жизнь полна искушений и соблазнов, но все-таки желал,

чтобы «его» доктор не плыл по течению жизни! Священнику хотелось (и так советовала Борису Пастернаку поэтесса Анна Ахматова), чтобы «Юрий Живаго не стал мячиком между историческими событиями, а сам старался как-то на них влиять». Но чем дальше пастырь погружался в «Доктора Живаго», тем больше он разочаровывался в нравственных выборах «мальчиков и девочек» знаменитого романа. Взрослые люди оказывались, на самом деле, «заигравшимися» жизнью и друг другом детьми, бесконечно ищущими «себя» в нравственно перевернувшемся мире.

Это правда, что взрослые порой гибнут под тяжестью личностных потрясений и трагедий, но что же делать их детям? Возможно ли сохранить непорочную душу в порочно-тяжкое время? Главный герой романа, Юрий Живаго, изменяя своей законной и «любимой» жене (Тоне) с другой женщиной (Ларой), «изнемогал под тяжестью нечистой совести». Несмотря на это он всеми силами пытался защитить свою «сладкую» теологию, оправдывающую измену и обман, защищающую его тайную связь с любовницей. «Прошло более двух месяцев с тех пор, как в одну из своих поездок в город он не вернулся к вечеру домой и остался у Ларисы Федоровны, а дома сказал, что задержался по делу в городе и заночевал на постоялом дворе... Он давно был на «ты» с Антиповой и звал ее Ларою, а она его – Живаго. Юрий Андреевич обманывал Тонию и скрывал от нее вещи, все более серьезные и неподобающие... Дома в родном кругу он чувствовал себя неуличенным преступником. Неведение домашних, их привычная приветливость убивали его...» (Борис Пастернак, «Доктор Живаго»).

Что это, нравственная слабость и нечуткость разбитого жизненными скитаниями и войной мужчины? Драматическая история действительно несчастной любви доктора-поэта, который никак не может разобраться в своих чувствах к двум женщинам (жене и... любовнице)? Юрий Живаго – грешный «праведник» или ...? Много можно списать на тяжелое военное время, разлуки и смуты души, но ведь истинная нравственная суть человека как раз и проявляется в экстремальных обстоятельствах. Странная у греха «логика» – она способна поэтизировать измену и мужьям, и женам; эта странная логика греха способна воспевать красоту порока и «настоящую» любовь «на стороне». Но ведь на чужом счастье не построишь! И как же жить оставленным во имя «настоящей» любви мужьям и женам, куда деваться их детям? Так часто бывает, что чрезмерная сосредоточенность на себе и своих потребностях, отстраняет нас от сочувствия другим судьбам.

Священник читал, и перед его взором представляли немые обвинители главного героя «Доктора Живаго» – его жена и дети. Увлеченный своей «сладкой» теологией, поддавшись волнам стрессовых обстоятельств жизни и «головокружительной» любви к другой женщине, доктор Живаго, фактически, предает своего первого сына от законной жены.

Понимает доктор, что это безнравственно, но женская прелесть ослепляет его смертельно.

За душу несчастного отца и мужа начинает бороться совесть – голос Божий в душе человека. Впечатлительному доктору-поэту даже приснится «совестный» сон, казнящий его нравственное преступление против сына: «Он находился в Москве, в комнате перед запертой на ключ стеклянную дверь, которую он еще для верности притягивал на себя... За дверь бился, плакал и просился внутрь его мальчик Шурочка... Позади ребенка, обдавая его и дверь брызгами, с грохотом и гулом обрушивался водопад испорченного ли водопровода или канализации... Обвал и грохот низвергающейся воды пугали мальчика до смерти. Не было слышно, что кричал он... Но Юрий Андреевич видел, что губами он складывал слова: «Папочка! Папочка!» У Юрия Андреевича разрывалось сердце. Всем существом своим он хотел схватить мальчика на руки, прижать к груди и бежать с ним без оглядки куда глаза глядят. Но, обливаясь слезами, он тянул на себя ручку запертой двери и не пускал мальчика, принося его в жертву ложно понятым чувствам чести и долга перед другой женщиной, которая не была матерью мальчика и с минуты на минуту могла войти с другой стороны в комнату» (Борис Пастернак, «Доктор Живаго»). Принося его в жертву ложно понятым чувствам – как точно сказано...

Мир наполнен несчастными детьми, которых принесли в жертву политики, мужчины и женщины, впавшие в искушение, увлеченные своими политическими и романтическими грезами, своими бесконечными исканиями. Но совесть – неподкупна. И размышляя об оставленной им жене, ожидающей второго ребенка, доктор-поэт не мог избавиться от божественного голоса внутри своего сердца: «Он строил догадки о них [беременной жене и сыне – И. Л.] одну другой ужаснее. Вот Тоня идет по полю во вьюгу с Шурочкой на руках. Она кутает его в одеяло, ее ноги проваливаются в снег, она через силу вытаскивает их, а метель заносит ее... о, но ведь он все время забывает, забывает. У нее два ребенка, и меньшего она кормит... Обе руки ее заняты и никого кругом, кто бы мог помочь. Шурочкин папа неизвестно где. Он далеко, всегда далеко, всю жизнь в стороне от них, да и папа ли это, такими ли бывают настоящие папы?» (Борис Пастернак, «Доктор Живаго»).

И, кажется, пробудиться бы наконец от летаргического сна самосожаления и самооплакивания, а услышав вопиющий глас совести – навсегда отречься от духа измены, от любовницы, назвать бы все своими именами. Но порочно-сладкая связь не отпускает доктора, и он послушно «примиряется» со своим любовным треугольником... Когда же в очередной раз он оставляет двух своих дочерей от третьей женщины (Марины) – его уже не мучает совесть: «Он сообщал им, что в целях скорейшей и полной переделки своей судьбы хочет побыть некоторое время в одиночестве, чтобы в сосредоточенности заняться делами».

Своего пятого ребенка доктор Живаго предает почти автоматически – о рождении дочери он даже не подозревает. Мать же его малютки, Лара (которую он любил и боготворил, как «белую прелесть»), оставленная им в состоянии безысходности, отдает девочку на воспитание какой-то сторожихе... Горькой оказалась судьба последней дочери доктора Живаго. О ней скажут, что «она из беспризорных, неизвестных родителей. Наверное, где-то в глубине России, где еще чист и не тронут язык, звали ее безотчею, в том смысле, что без отца».

Смутные/военные времена, ложные романтические идеалы, духовное сиротство – сколько судеб они искалечили. Господи, сколько жизней разбитых, вовек их не склеить, вовек не вернуть былое, не собрать утерянное. Жизнь доктора Живаго обрывается внезапно, он умирает в трамвае от сердечной недостаточности; умирает в состоянии трагического раскола жизни, вдали от всех «своих» женщин и детей, в состоянии одиночества и униженности. В конечном итоге, он потерял и себя, и своих любимых. Как грустно и как трагично.

Мело, мело по всей земле
 Во все пределы.
 Свеча горела на столе,
 Свеча горела...» – *Б. Пастернак*.

«Восемь или девять последних лет ... перед смертью... он всё больше сдавал и опускался, теряя докторские познания и навыки и утрачивая писательские, на короткое время выходил из состояния угнетения и упадка, воодушевлялся, возвращался к деятельности, а потом, после недолгой вспышки, снова впадал в затяжное безучастие к себе самому и ко всему на свете... Бедные современные дети, жертвы нашей цыганщины, маленькие безропотные участники наших скитаний» (Борис Пастернак, «Доктор Живаго»).

«Шли и шли и пели Вечную память... Торопливо в четыре лопаты забросали могилу. На ней вырос холмик. На него взошел десятилетний мальчик. Только в состоянии отупения и бесчувственности, обыкновенно наступающих к концу больших похорон, могло показаться, что мальчик хочет сказать слово на материнской могиле. Он поднял голову и окинул с возвышения осенние пустыри и главы монастыря отсутствующим взором. Его курносое лицо искажилось. Шея его вытянулась. Если бы таким движением поднял голову волчонок, было бы ясно, что он сейчас завоет. Закрыв лицо руками, мальчик зарыдал...» (Борис Пастернак, «Доктор Живаго»).

Я СМОТРЮ НА ХРИСТА

◆ Я смотрю на Христа. Он смотрит на меня со креста. Я вглядываюсь в Его глаза. Из них вытекает слеза. Я вслушиваюсь в Его слова. Он говорит мне, что эта плачущая женщина – это и моя мать, отныне. И что

я должен её опекать, как родную, как свою дорогую мать. Оберегать, охранять, утешать.

И вдруг я начинаю понимать, что каждая плачущая о своём умирающем ребёнке женщина – это и моя мать, навсегда. И что каждый плачущий о своём умирающем ребёнке мужчина – это и мой отец, навсегда. И что ответы все – у креста. Особенно в смутное, военное время.

И я продолжаю смотреть на Христа. Я смотрю на Христа. Он смотрит на меня со креста. Я вглядываюсь в Его глаза. Из них вытекает слеза. Он говорит мне, что этот плачущий мальчик, совсем ещё ребёнок – мой сын, отныне. И что я должен его опекать, как родного, как своего сына. Оберегать, охранять, утешать.

И вдруг я начинаю понимать, что чужих детей не бывает. И что каждый плачущий или умирающий ребёнок – это и мой сын, это и моя дочь, навсегда. И что ответы все – у креста. Особенно в смутное, военное время. И я продолжаю смотреть на Христа.

Я смотрю на Христа. Он смотрит на меня со креста. Я вглядываюсь в Его глаза. Из них вытекает слеза. Он говорит мне, что этот кающийся грешник – это и мой брат, отныне. И что я должен признать его, как родного, как своего дорогого брата. И вдруг я начинаю понимать, что каждый кающийся грешник, даже уже умирающий – это и мой брат, это и моя сестра, навсегда. И что ответы все – у креста. И потому, я продолжаю смотреть на Христа. Особенно в смутное, военное время.

Я НЕ ХОЧУ БОЛЬШЕ НИЧЕГО ПРОСИТЬ ДЛЯ СЕБЯ

◆ Я не хочу больше ничего просить для себя, Господи. Не могу, стыдно, не имею права. Сегодня я снова увидел ту женщину, с затуманенными от слёз глазами. Она недавно похоронила своего сына. Господи, сделай так, чтоб родители никогда, никогда больше не хоронили своих детей! И я вижу, я всё ещё вижу перед собой ту женщину, с затуманенными от слёз глазами. И я прошу Тебя, Господи, помоги ей пережить это сильное горе.

Я не хочу больше ничего просить для себя, Господи. Не могу, стыдно, не имею права. Сегодня я снова вспомнил ту маленькую девочку, она уже не плакала, а только отчаянно кричала: «Мамочка! Папочка!» Совсем недавно, её родители трагически погибли. Господи, сделай так, чтобы маленькие дети никогда, никогда больше не хоронили своих родителей! И я вижу, я всё ещё вижу перед собой ту маленькую девочку, она уже не плачет, а только отчаянно кричит: «Мамочка! Папочка!» И я прошу Тебя, Господи, помоги ей пережить это сильное горе.

Я не хочу больше ничего просить для себя, Господи. Не могу, стыдно, не имею права. Сегодня я снова услышал тот жуткий стон, умирающего в агонии мужчины. Он недавно только женился, на прекрасной/

любимой девушке. Господи, сделай так, чтоб молодые мужья и жёны никогда, никогда больше не хоронили друг друга! И я слышу, я всё ещё слышу тот жуткий стон, умирающего в агонии мужчины. А рядом, как живая тень, его молодая жена, с затуманенными от слёз глазами. А на руках у неё ребёнок, совсем ещё крошечный младенец! И я прошу Тебя, Господи, помоги им пережить это сильное горе.

Я не хочу больше ничего просить для себя, Господи. Не могу, стыдно, не имею права. Как увижу/услышу, как вспомню... так не смею больше ничего просить для себя. Сколько горя вокруг и несчастья, безвозвратных потерь и боли! Умоляю Тебя за всех, а особенно за тех, кто уже не может сам о себе помолиться. И прости, что прошу так настойчиво, с затуманенными от слёз глазами. Но я вижу, я снова вижу – чью-то крышу лизнуло пламя, чья-то к небу тянется рука... и я слышу, я снова слышу, чей-то стон летит издалека: «Мамочка! Папочка! Сынок! Доченька! Любимый! Любимая!» И эхо, всё тоже трагичное эхо. И я не хочу больше ничего просить для себя, Господи. А в залог этой непреклонной просьбы, прими единственное моё сокровище: осколки раненого сердца и непрестанную молитву.

ВСЕГО ЛИШЬ ОДИН ЗВОНОК

◆ Всего лишь один звонок. Всего лишь один звонок может снять или облегчить чью-то боль. Всего лишь один звонок может изменить или даже спасти чью-то жизнь. И внутренний голос мне говорит, что я обязательно должен позвонить “в эту жизнь” прямо сейчас, не потом, а сегодня. Кому-то я должен сказать, что я с ним, что я рядом. И что вместе с Богом мы все пройдем.

Я беру телефон, и я тихо молюсь, чтобы сам Бог “дал мне слово” знания и мудрости; и целительный тон “в эту жизнь”. Я звоню и смиренно молюсь, чтобы не я, а сам Дух говорил через меня “в эту жизнь”. Всего лишь один звонок, во время которого я часто больше молчу, чем говорю.

Я слушаю и продолжаю молча молиться за “эту жизнь”. Иногда сильно израненную и скорбящую жизнь. Иногда сильно запутанную и покаленную. И потому я часто не нахожу слов. И я продолжаю еще сильнее молиться. Я мысленно умоляю Его о помощи. Как убогий и нищий духом.

И я начинаю чувствовать Его невидимое присутствие. Мое сердце в Его руках, а на глазах моих слезы. И тогда я начинаю говорить так, как нельзя научиться. И я понимаю, что это уже не я. Это Он сам пришел “в эту жизнь”. Я – лишь глина в Его руках.

Всего лишь один звонок. Иногда очень короткий “звонок благодати”. “Спасибо, что позвонили, вы даже не представляете насколько мне стало легче”. Я держу телефон, и на глазах моих слезы. Всего лишь один звонок. В Украину.

НЕ ОТВЛЕКАЙТЕ МЕНЯ ОТ ГЛАВНОГО

◆ Я не пишу, я не пишу. Осколки раненого сердца лишь достаю со дна души. И потому, не отвлекайте меня от главного, пожалуйста, не отвлекайте. Мой Бог сейчас среди руин. И там сейчас “семь тысяч” в белых одеждах. “Семь тысяч” сейчас на войне. И я вижу, прямо сейчас вижу. Я стою на руинах разрушенных домов, школ и храмов. И гнетущая тишина, на прежде веселых и детских площадках. А вокруг меня очень плотно теснятся испуганные и растерянные мальчики и девочки, старики и женщины. Их миллионы! А вдали, как океан, без конца и края я вижу смертельно слезные глаза. И я чувствую на себе взгляды миллионов сердец уставших, раненых, надломленных. Одни сильно плачут и кричат от душевной боли и безысходности, протягивая ко мне свои руки. Другие же, уже почти безмолвно стонут, некоторым же уже совсем не больно, они погибли. И я не могу уже спокойно стоять, созерцать и слушать. Я начинаю кричать и рыдать вместе с ними на всю Вселенную.

Остановите, пожалуйста, войну! Во имя Бога, остановите! И какая боль, какая боль! Надвигается шторм, который может нас всех разорвать! Разжигается пламя, которое может нас всех сжечь! Мы должны потушить это пламя! Мы должны усмирить этот шторм!

Мне снова это приснилось, а может быть померещилось. Не будите меня, не будите. Я иначе умру, я знаю. И потому, мне сейчас нельзя отвлекаться на второстепенное. Мне сейчас нельзя расплываться на неглавное. Мне нужно собраться всеми моими силами и сосредоточиться на первостепенном и главном. А у меня и так уже слишком мало времени. А мне нужно еще успеть спасти хотя-бы одну душу! Хотя бы одну душу! Хотя-бы одну душу! А мне нужно успеть покормить и одеть – хотя бы одного... хотя бы одного... хотя бы одного... Позвонить, переслать, утешить... Несмотря ни на что, я должен достигнуть спасительной цели. Еще один звонок! Еще один звонок! Еще один звонок, сообщение! Еще один доллар! Еще один доллар! Еще один доллар! Хотя бы один... Закончились... Что мне делать, Раввунни, скажи... как быть? Как мне жить теперь, послужить, пережить... времена эти страшно смутные? “Пять тысяч” (нет, миллионы!) взалкавших мужчин... не считая детей и женщин! “Пять тысяч” (нет, миллионы!) уставших, упавших, голодных, холодных! “Пять тысяч” (нет, миллионы!) больных и раненых! А у меня осталось только две маленькие... рыбки... И всего лишь пять крошечных... хлебцов... Без Тебя пропадем... Господи....

Ascoltaci, o Signore, Abbi pieta di noi! Услыши нас, Господи, и помилуй нас!
Ascoltaci, o Signore, Abbi pieta di noi! Ascoltaci, o Signore, Abbi pieta di noi!

Остановите, пожалуйста, войну! Во имя Бога, остановите! И какая боль, какая невыносимая боль.

Ascoltaci, o Signore, Abbi pieta di noi! Ascoltaci, o Signore, Abbi pieta di noi!

УЧИТЬСЯ ПАДАТЬ И ДЕРЖАТЬСЯ НИ НА ЧЕМ

По мотивам сказки Михаэля Энде, «Зеркало в зеркале»

◆ Послушай меня сынок, учись падать и держаться ни на чем. Особенно в это страшное и смутное время. Ты же помнишь, как в детстве, я рассказывал тебе сказку? И ты сразу же уснул сладко-сладко, и улыбался во сне. Ну, помнишь, сказку о маленьком мальчике, который уютно жил и играл на прекрасном вращающемся диске? А над ним радужный небосвод, солнце, луна и прелестные звезды... и удивительно красочный купол? А вокруг красота, горы, леса и реки, цветы, океан любви? И вдруг этот мир весь рухнул... включая небосвод... а потом зашатался диск под ногами мальчика... задрожал и треснул. Мальчик в ужасе глянул вниз... а сквозь трещину на него уже глядела темная бездна. Трещина за трещиной, весь мир мальчика разваливался на куски, на обломки. И закричал мальчик в ужасе, и заплакал так, как никогда еще не плакал! И вдруг там... в пустоте и мраке... он увидел удивительно светлую фигуру. В мрачной бездне, ни на что не опираясь, стоял сам Христос. Он спокойно стоял ни на чем, улыбался и звал мальчика к себе: «Иди малыш, ну иди же ко мне!». «Я упаду, я разобьюсь, – кричал испуганный и растерявшийся мальчик, и продолжал судорожно хвататься за обломки обреченного на разрушение диска. Но Стоящий ни на чем... Христос... при каждом повороте разваливающегося на куски диска... смотрел мальчику в глаза и очень спокойным и божественно мягким голосом звал к себе: «Иди малыш, ну иди же ко мне... Учись падать... Учись падать и держаться ни на чем».

И мальчик поверил, и мальчик пошел, и он стоял ни на чем! Помнишь, как я говорил тебе, что ты так же научишься падать и держаться ни на чем? Со Христом, главное... чтобы ты был со Христом... сынок. Особенно в это страшное и смутное время.

НЕ ЗОВИТЕ МЕНЯ ОБРАТНО, Я УЖЕ НЕ ВЕРНУСЬ НАЗАД

◆ Не зовите меня обратно... Я уже не смогу назад... Голиафы вокруг хамят. Объявили святым войну. Вызывают на бой, вперед. Паникует, дрожит народ. Истерят даже в стенах храма. Царство хама грядет, кадит. И злодеев закон царит. Но как прежде народ дрожит. И молчит, словно тень, бежит...

Не зовите меня обратно... Я уже не смогу назад... На войне я, туман, привал. Отдохну, снова в бой, прорвусь! Отступить?! Не могу предать! У меня ж за спиной брат! А за братом детей “отряд”! Толпы малых сердец, вопят: “Посмотри на руины храма! Пробудись ото сна, труби! Слых слабых, больных – неси! Малышей всех спаси, пронеси! От бичей/палачей – уноси! Ото зла, ото всех мечей! Доведи до родного края!” Толпы малых сердец, вопят!

Не зовите меня обратно... Я уже не смогу назад... Не сумею назад вернуться. Не позволю забыть ребят! По приказу иду вперед. За детей, за народ, за храм! Сердце плачет, горит огнем! Позабыта золотая пыль. Отзвучала фанфаров быль. Не зовите меня обратно... Я уже не смогу назад... Снова вижу руины храма. А вокруг миллионы слез! И не видно конца и края! Доберусь я до светлого рая! У меня ж за спиною брат! А за братом детей “отряд”! Не кричите во след, не “грустите”. Не “жалейте” нигде, никак. Ваша соль потеряла силу! Ваш источник засох, пропал! Без воды – водоемы храма! Снова вижу ухмылку хама... А у храма потоки слез! Не страшусь голиафов/гроз! Толпы малых сердец, вопят! Не до грез мне сейчас, от слез! Не до сладких, помпезных проз!

Не зовите меня обратно... Я уже не смогу назад... До конца за Христа в бою! Откопаю воды колодцы. Доведу, напою детей! А устану... умру в строю... Не зовите меня обратно... Я уже не вернусь назад.

РАССКАЖИТЕ СВОИ ПЕЧАЛИ НЕБУ

◆ «За что и почему, Господи?!» – безмолвно взывала душа ее, огненное испытание проходящая. После внезапной смерти ребенка ее материнское сердце захлебнулось в горьких водах отчаяния – она «перестала» жить. Истомила душа ее, ушло ощущение смысла бытия, великое горе повергло ее в оцепенение. Вкус жизни, радость ожидания и счастье любви, запах моря и дождя, аромат цветов и теплота отношений – все, чем она раньше так восторгалась и дорожила, осталось в прошлом, в бездну минувшего кануло. Большая скорбь лишила ее душевного равновесия, парализовала жизнь. Постоянное ощущение безвозвратной потери сдавливало мучительно, не зарастала на сердце рана. Сердце молодой и красивой женщины разрывалось на части, устремляясь в страну печали, в страшную бездну безысходности окуналась душа почти уже умершая. «Мир горя легко преобразуется в замкнутый мир» (Элис Братт). В ее скорбном, изолированном от всех мире уже не оставалось места даже для самых близких.

Слаб и немощен человек смертный, даже великие люди впадают в уныние и тоску. «Душа моя отказывается от утешения... Я потрясен и не могу говорить» (Пс. 76:3,5) – находясь в безмерном отчаянии, Асаф погружался в безмолвие. В мире несовершенных существ фактически «вся тварь совокупно стенает и мучится донныне; и не только она, но и мы сами, имея начаток Духа, и мы в себе стенаем» (Рим. 8:22-23).

После смерти долгожданного младенца женщине показалось, что Великая Скорбь для нее уже наступила, что впереди – лишь тьма беспросветная. В глубоком страдании и смятении души пребывала она, изнемогая от ощущения потерянности, от изнурительного самоисследования, от никчемных советов «жалких утешителей» (Иов. 16:2). Порой вопиюще бестактно, поверхностно и неумело пытались утешить ее друзья: «Бу-

дем надеяться, что все это скоро забудется, время лечит...». Один богослов надеялся вернуть ей душевное равновесие аргументами теодицеи – науки, объясняющей наличие страданий и зла в мире, сотворенном Благим Богом. Увлечшись своими теологическими речами, он и не заметил, что женщина уже давно его не слушала, что его сухая теория мгновенно заблокировала ее измученное сознание, расколотое сердце требовало вмешательства свыше. Умом она понимала, что нужно продолжать жить, но где взять силу, способную преодолеть притяжение смерти? По настоянию мужа, не желая огорчить его, она и пришла к этому странно-неформальному, как говорили церковные люди, священнику. У других она уже побывала.

«Дай, Боже, нам вобрать чужую боль, ни саном, ни жезлом не величаться» (поэт, иеромонах Роман). Вслушиваясь сердцем в очередную исповедь, «странный» священник каждый раз возрождал в своем сознании духовные наставления оптинских старцев: «Разве можно принимать исповедь человека, голос его совести, его сомнения, боль, жалобу, обиду со спокойной душой?.. Порой нам нужен длинный путь разочарований и потерь, чтобы, наконец, смягчилось сердце. Самое страшное для нас и непростительное – равнодушие. Не «привыкайте» к алтарю!» И он не привыкал, и потому к нему тянулись люди – за советом и утешением приходили. «Он несет духовную радость, великой благодатью наделил его Господь – утешать скорбящих духом, исцелять сокрушенных сердцем. Он врачует души притекающих к нему Божественной силой...», – его служение не нуждалось в рекламе.

Великий труд над горем людским совершал одинокий священник... Порой он и сам не понимал, что же такого особенного делает, безмолвно выслушивая пришедших к нему на исповедь, или же – просто рассказывая им о своей судьбе. Иногда, действительно, он не произносил ни слова, ему было трудно говорить – сказывались пытки, перенесенные в тюремных камерах... И только пережившие чудо обновления у него на исповеди неустанно повторяли, что слышали исходящие от священника едва уловимые на слух «воздыхания неизреченные». Говорили, что плакала душа священника вместе с ними, и что даже Господь являлся посреди них невидимо.

И не знало большинство приходящих к нему, что он даже не был рукоположенным по традициям церкви священником. Как пророка Амоса, «Господь взял» его «от овец» (Ам. 7:14,15), и он совершал почти невидимое для окружающих таинство принятия душ, истомленных горем, самых безнадежных принимал он. Благословенный дар утешения скорбящих и знание душ измученных он принял «не от человека» – от самого Господа принял он полномочия духовные, ведь в огненном испытании побывала и его душа. Однажды руководство местного прихода запретило ему принимать исповеди, а людям объяснили, что он не рукоположен по церковным канонам, что не избирала его церковь на служение, что

«нет у него благословения»... А он и не обижался, а люди продолжали к нему идти, ибо «для слова Божия нет уз» (2 Тим. 2:9).

«Весь мир лежит во зле, дикий хаос заполняет царство людское. В конце концов, все мы без исключения обречены смерти. Телесная смерть – одно из самых страшных бедствий, но она бессильна уничтожить личность, душа продолжает жить вечно. «...Живем ли или умираем, – всегда Господни» (Рим. 14:8). Кроме нашего царства несовершенных существ – есть еще и Царство Божие... Удаляясь от Бога, душа человека вянет, и мир для нее тускнеет; стоит ей только шаг сделать в направлении к Господу – и все оживает, наполняется смыслом, несказанная красота является. На развалинах разбитого храма нашел меня Господь, церковь начинается в душе человека, а путь от храма снаружи к храму внутри – чрез многие скорби пролегает. «Храма же я не видел в нем, ибо Господь Бог Вседержитель – храм его...» – помните, так написано о Небесном Иерусалиме (Откр. 21:22)», – он всегда говорил удивительно таинственно, затем – останавливался, глаза его смиренно устремлялись к небу, а уста продолжали шептать нечто неизреченное, одному Богу ведомое, сокровенные тайны духа передавал он Небу.

Она узнала его сразу – спокойный, печально-светлый облик «странного» священника обладал удивительной силой притяжения, ей даже показалось, что поклонился он ей, что ведома ему печаль сердца ее умирающего... «Расскажите свои печали Небу, а я послушаю... Ведь и «я человек, испытавший горе» (Плач 3:1), но знаю я и другое – «близок Господь к сокрушенным сердцем» (Пс. 33:19), врачует раны народа Своего целебным бальзамом, «Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными...» (Рим. 8:26)», – неформальный священник цитировал Писание как-то необычно естественно, как будто из души вынимал священные слова. Сердце же ее еще не решалось раскрыться, в молчании внимала она словам священника.

«Мой отец умер, когда мне было всего пять лет. Он лечил неимущих бесплатно, принимал даже заразных пациентов, которых отказывались лечить другие доктора. От своих больных он и заразился... Перед смертью он часто говорил, что если кто-нибудь тонет, то нужно спасать, даже если не умеешь плавать. Я рано научился плавать... После смерти отца арестовали мать – в нашем доме проходили тайные богослужения, за то и осудили ее... Последний раз я видел ее в десять лет. Помню, как она стояла передо мной в грязной тюремной робе, изнемогая от тяжелой лагерной работы, худая, но необыкновенно светлая, как ангел. Я потянулся к ней, но охранник оттолкнул меня... я упал и заплакал... Мама успела крикнуть: «Не плачь, сынок, мы обязательно встретимся! И ни тюрьмы, ни смерти – не будет уже! Главное, люби Иисуса всем своим сердцем! Мы обязательно встретимся, и ты увидишь своего отца!» Больше я ее не видел... Есть тайны, ведомые одному Богу. Скорбный путь сироты ожидал меня впереди, но на руках Своих пронесил меня Отец мой...».

Слушая этого «странного» священника, она вдруг осознала, что он ей брат по скорби, что душа ее родственна ему, что то, о чем он говорит, очень близко ей и понятно. Женщина окуналась в священную атмосферу, в атмосферу доверия и любви. Это и была «скиния Бога с людьми» (Откр. 21:3), и сбывались слова Писания, что «отрет Бог всякую слезу с очей их» и что «и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет» (Откр. 21:4). Тихим и кротким было прикосновение Господа, и ей вдруг показалось, что и времени уже не стало, и земля осветилась от славы Божьей. Неведомый Свет согревал ее, вселяя надежду на воскресенье, на вечное единение с дочерью ее, такой живой и счастливой сейчас. Женщина еще не понимала, что с ней происходит, но ее оглохшее сердце уже начинало слышать исцеляющую тишину Святого Духа, а перед духовным взором открывалась даль светлая, явившаяся так внезапно. И рассказывала она свои печали Небу. И воскресало сердце ее почти мертвое. И прилеплялось к Богу, у Которого все живы.

С ТОБОЙ Я ПРОЙДУ ДАЖЕ СКВОЗЬ АД

◆ Ты подарил мне очередной день, Господи. Удивительно светлый и красивый день. И я снова Тобой живу и дышу, как прежде. И я снова хочу быть Твоими ногами. И я снова хочу стать Твоими руками. Твоими глазами, ушами, устами. Особенно во времена военные, смутные.

Очередной день, весь этот день, Господи. Веди меня Твоими стопами и тропами. Туда, куда уже никто давно не ходит. К тем, о ком уже давно никто не помнит. Кто совсем изнемог под тяжелой ношей. Кто уже почти умер под тяжестью креста. Помоги мне дойти к ним Твоими ногами, Господи. Помоги мне поднять их Твоими руками. Я хочу встретиться с ними – Твоими глазами. Я хочу заговорить с ними – Твоими устами.

Ты же знаешь, что без Тебя я, как смертная тень. Ты же знаешь, что без Тебя я не нащупаю дно среди бездны плача. А в крошечной тьме не увижу света. Смиренье – с Тобой единенье. С Тобой я пройду даже сквозь ад, Господи. И даже не оглянусь назад.

И потому я отдаю Тебе все свое сердце. Я обнажаю и распахиваю перед Тобой всю свою душу. Ты же знаешь, что я всего лишь Твой сосуд, Господи. Я всего лишь мертвая глина в Твоих руках. А Ты взял и снова подарил мне очередной день. А Ты взял и прикоснулся ко мне снова. И восстановил мой разбитый сосуд. Спасибо Тебе за жизнь, Господи. Спасибо!

И неважно, сколько мне сейчас лет. С Тобой я рождаюсь заново, каждый день. И потому веди меня Твоими стопами и тропами, Господи. Особенно туда, куда уже никто давно не ходит. Особенно к тем, о ком уже давно никто не помнит. С Тобой я пройду даже сквозь ад, Господи. И даже не оглянусь назад.